БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK TIMES

ЛУЧШАЯ КНИГА ДЛЯ ПОДРОСТКОВ ПО ВЕРСИИ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ НЬЮ-ЙОРКА

МАЙКЛ БОРНСТЕЙН
ДЕББИ БОРНСТЕЙН ХОЛИНСТАТ

КЛУБ ВЫЖИВШИХ

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЗАКЛЮЧЕННОГО ИЗ АУШВИЦА

ХОЛОКОСТ · ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Холокост. Правдивая история

Майкл Борнстейн

Клуб выживших. Реальная история заключенного из Аушвица

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.511.141-94
ББК 84(4Вен)-44

Борнстейн М.

Клуб выживших. Реальная история заключенного из Аушвица / М. Борнстейн — «Издательство АСТ», 2017 — (Холокост. Правдивая история)

ISBN 978-5-17-121726-6

В 1944 году Майклу Борнстейну было всего четыре года, когда он попал в лагерь смерти, что сделало его одним из самых юных узников Аушвица. Майкл делится своей трагичной, но вдохновляющей историей выживания, опираясь на собственные воспоминания, а также на рассказы родных и близких. Это повесть о том, как мужество отца, неистовая любовь матери и одна внезапная, но своевременная болезнь смогли спасти ему жизнь, и как другие члены его семьи из села Жарки в Польше снова и снова с невероятной находчивостью избегали смерти от рук нацистов. «Я надеюсь, что читатели, увидев несправедливость, восстанут против нее, даже если она будет направлена против них. Я надеюсь, что эта книга вдохновит их быть добрее к одноклассникам, которые могут чем-то от них отличаться. Но больше всего я надеюсь, что мир никогда не забудет жертв Холокоста». Майкл Борнстейн В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.511.141-94
ББК 84(4Вен)-44

ISBN 978-5-17-121726-6

© Борнстейн М., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 9
Глава 2 12
Глава 3 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Майкл Борнстейн, Дебби Борнстейн Холинстат Клуб выживших. Реальная история заключенного из Аушвица

© 2017 by Michael Bornstein and Debbie Bornstein Holinstat
© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие
Пришло время говорить

Майкл Борнстейн

Я очень долго не рассказывал о том, через что пришлось пройти во время войны. Люди думали, что мне тяжело возвращаться к тем страшным событиям. Это правда, я не люблю вспоминать ужасы прошлого. Когда кто-то замечает мою татуировку, Б-1148, я вскользь упоминаю Аушвиц, и на этом разговор заканчивается. Но есть и другая причина. Мне было, что рассказать, но я понимал, что мои слова неизбежно станут частью письменных свидетельств о Второй мировой войне, и боялся допустить неточности. Воспоминания о том времени появляются и исчезают, словно каскад образов, ясных и размытых. Порой перед внутренним взором встает трагический эпизод, и в тот же миг растворяется, будто ничего и не было.

Мне говорили: «Хорошо, что ты ничего не помнишь». Но что бы вы чувствовали, если бы не могли вспомнить, как выглядел ваш брат? Большую часть жизни я тщетно пытался найти ответ на свой главный вопрос: «Как мне удалось полгода прожить в лагере, известном тем, что детей убивали сразу после прибытия? Почему я не прошел “маршем смерти”, в котором за несколько дней до прихода Советской армии лагерь покинули 60 тыс. заключенных?» Теперь я знаю ответ.

Не так давно я ездил в Израиль, чтобы посетить национальный Мемориал Катастрофы и Героизма —Яд ва-Шем, где хранится документ с моим именем. Его составили и сберегли советские солдаты. Прочитав его, я понял: история моего спасения доказывает, что чудеса случаются, когда их совсем не ждешь.

Долгие годы я даже не подозревал о том, что где-то существует моя фотография времен Аушвица, и испытал настоящее потрясение, узнав мальчика на кадрах советской кинохроники. Подробнее об этом случайном открытии я расскажу в конце книги. Но на этом потрясения не закончились. Как-то раз я решил поискать в интернете фотографии, на которых был бы запечатлен момент моего освобождения из лагеря. Ввел свое имя в строку поиска, на экране появились снимки. Я перешел по ссылке рядом с одной из фотографий и попал на сайт, где утверждалось, будто Холокост – сплошной обман, и на самом деле ничего не было! Мою фотографию разместили на сайте для тех, кто хочет исказить историю. Подпись гласила, что евреи лгут, утверждая, что детей убивали сразу по прибытии в Аушвиц, что условия там были хуже, чем в обычном трудовом лагере.

Невероятно, но в комментариях многие посетители сайта соглашались с тем, что Аушвиц не мог быть таким уж страшным местом. Они отмечали, что я и еще несколько детей на фотографиях выглядим «здоровенькими». (На самом деле, кадры были сделаны через несколько дней после вызволения из плена. Чтобы мы не замерзли, нас укутали во все, во что только можно было, поэтому на некоторых из нас была надета взрослая лагерная роба.)

С отвращением я захлопнул крышку ноутбука. Я был в ужасе. Руки тряслись от злости. Но теперь я даже благодарен тому, что увидел все это. В тот момент я понял, что если выжившие продолжат молчать, если мы не соберемся с силами и не расскажем свои истории, то голоса лжецов и расистов зазвучат все громче. Меня вынудили заговорить, вот только я ученый, а не писатель. Поэтому я обратился к одной из своих дочерей, Дебби Борнстейн Холинстат, она продюсер на телевидении, и часто повторяла, что мою историю нужно записать. Я решил вложить ей в руку перо и сделать все, что будет в моих силах, чтобы помочь ей рассказать обо всем, что пережил сам.

И теперь с помощью Дебби я выпускаю на свет истории, которые мы с близкими долгие годы удерживали под замком. Время пришло.

Дебби Борнстейн Холинстат

В детстве я не задумывалась о татуировке у папы на предплечье. Сколько себя помню, она всегда была там. Рисунок на коже, только и всего. Летом, когда без рубашек с короткими рукавами не обойтись, прохожие иногда обращали на нее внимание и спрашивали:

– Откуда это?

– Из Аушвица. Я не местный, – с улыбкой отвечал папа.

И тут же возвращался к своим занятиям. Удачи тому, кто пытался выведать больше!

В пятом классе мы с сестрами и братом тоже начали задавать вопросы, но результаты были более чем скромные. Если же мы загоняли его в угол, то он мог поделился с нами каким-нибудь жутким, душераздирающим воспоминанием. Мы спрашивали еще и еще.

– Не знаю, Дебби. Я был совсем ребенком. Порой мне сложно отделить то, что я действительно помню, от того, что, как мне кажется, я помню, – говорил он.

Таков был его обычный ответ. В гостях у дяди он мог рассказать доселе неизвестную нам историю. А порой мы узнавали что-то новое, подслушав его разговоры с мамой. На свадьбе кто-нибудь из пожилых родственников произносил тост, и к головоломке добавлялась новая деталь. Постепенно, год за годом, мы слышали истории, которые врастали в саму ткань нашего существования. И хоть никто специально их не вспоминал, мы выросли с ними, как папа со своей татуировкой.

Спустя много лет, став редактором теленовостей, я задумалась о том, чтобы собрать все папины истории в одну книгу. Но тогда время еще не пришло.

– Не знаю, Дебала, может, когда-нибудь… – отвечал он.

А потом, спустя 70 лет после освобождения из Аушвица, он вдруг сказал:

– Знаешь, я думаю, мы должны их записать.

И, разумеется, это значило, что отныне на мои плечи лег груз точности и деталей. Боже, во что я ввязалась? Но стоило мне заглянуть на тот сайт, где с помощью папиной фотографии пытаются переписать историю, как у меня появились силы. И пусть на каждый лживый форум о Холокосте придется сто других, на которых говорят правду.

Я стремилась дополнить папины рассказы теми деталями, которые он уже не помнит, и прибегла к журналистским методам работы. В Жарки, его родном польском городке, их с семьей сперва закрыли в гетто, а потом отправили в Аушвиц. Я разговаривала с теми, кто знал его родственников до и после войны. Музеи и генеалогические центры от Вашингтона до Варшавы любезно помогли мне отыскать документы, пролившие свет на множество тайн. Я слушала старую запись бабушки Софи, и постепенно разрозненные осколки информации, подобранные мной в период взросления, сложились в единую картину.

Папа упомянул потрясающую находку из Яд ва-Шем, пролившую свет на тайну его спасения. Даже куратор музея признался, что документ их шокировал. Но на этом открытия не закончились. В одном из собраний очерков, напечатанных на иврите, рассказывалось об Израиле Борнштейне, моем дедушке. Отец всегда жалел о том, что почти его не помнит, но, когда мы прочли о невероятных подвигах и героизме дедушки, он начал жалеть об этом еще больше. Очерки написали его выжившие земляки. Вскоре и вы узнаете, почему в Жарки все знали, кто такой Израиль Борнштейн. Нам с отцом очень помог дневник, любезно предоставленный одним из горожан, который во время войны вместе с родственниками скрывался в бункере под домом местного фермера. Дневник был передан нам в частном порядке и содержит очень важные сведения о том, что происходило в городе и как с евреями обращались до и после немецкого вторжения.

И теперь, спустя 70 лет после того, как отец вышел из Аушвица навстречу советским кинокамерам, история моей семьи наконец-то будет рассказана с умиротворяющей уверенностью во всех перипетиях того, как именно ему удалось выжить. Погружаясь в то, что произошло с семьей во время Холокоста, мы с отцом стремились написать честную книгу. В ее основу легли события, произошедшие на самом деле, но не обошлось и без фантазии: мы дописали диалоги, додумали мысли и чувства, изменили некоторые имена и привели незначительные детали в повествовательную форму.

К примеру, мы точно знаем, что немецкие солдаты ворвались в дом к моей семье через несколько недель после того, как в сентябре 1939 года нацисты вторглись в Польшу. Но о том, какого цвета платье было на бабушке в тот день и что именно она им сказала, мы можем только догадываться. Мы знаем, что солдаты, словно шайка пиратов, требовали отдать им все ценности. Правда и то, что за несколько минут до их появления Израилю Борнштейну удалось спрятать часть семейного имущества. В том числе и одну небольшую, но важную реликвию. Ценности она не представляла, но значила многое.

Глава 1
Не забудь про бокал

– Софи, возьми Самюэля и встань у окна! – крикнул отец маме. – Не двигайтесь!

Он схватил холщовый мешок и бросился из кухни в спальню, запихивая в него серебряные рамки, хрусталь, мамины жемчуга и золотые монеты. На дворе стоял октябрь 1939 года, и к принадлежавшему моей семье серому дому из известняка на улице Сосновой в польском городе Жарки приближались немецкие солдаты.

В меркнувшем свете дня мамишу стояла у окна гостиной и беспокойно барабанила пальцем по маленькой, веснушчатой ручке моего старшего брата Самюэля. Другая рука покоилась на огромном животе, где я в блаженном неведении готовился к появлению на свет.

– Израиль, мы должны были заранее подготовиться! Теперь уже поздно. Просто засунь все под кровать, и будем надеяться, что туда они не заглянут. Ты ведешь себя как сумасшедший!

– Я знаю, что делаю, Софи. Просто стой там и предупреди, когда они будут у дверей.

Годы спустя, когда я слушал эту историю, меня из раза в раз убеждали, что папин голос звучал очень спокойно, что едва ли вязалось с теми хаотичными действиями, которые мамишу видела в отражении оконного стекла.

Мама наблюдала за отрядом опрятных и в то же время вселявших ужас немецких солдат, в высоких черных сапогах и униформе с крупными пуговицами, и красными нарукавными повязками с белым кругом, в центре которого гнездился черный, похожий на паука, символ. У каждого в руках был либо пистолет, либо винтовка. Они вошли в дом наших соседей и через несколько минут вывалились оттуда вместе с грудой мехов, кожаных пальто и набитыми драгоценностями наволочками.

Всякий раз, услышав выстрелы, что доносились из соседского дома, четырехлетний Самюэль прятал лицо в складках маминой персиковой юбки. Солдаты были всего в трех домах от нас, и, пока отец носился по дому, мамишу встревоженно переводила взгляд с входной двери на заднюю. Бобеши, так в семье ласково называли бабушку Дору, папину маму, наблюдала за происходящим, сидя на диване.

Утром того же дня немецкие солдаты объявили, что после обеда начнут обход домов: евреи должны приготовиться отдать любые ценности, которые нацистское правительство (национал-социалистическая партия Германии) потребует у них. Обычно такое называют грабежом. Но немцы настаивали, что помочь Третьему рейху (а именно так они именовали свое государство) стать сильнее и богаче – это святая обязанность каждого еврея. А у нас было чем поживиться. Папа был бухгалтером, и умел обращаться с деньгами. В тот день, когда нацисты пришли за «помощью», папа стал одержим спасением того, что у нас было.

– Если ты и правда хочешь все спрятать, то не забудь про бокал! – тихо сказала мамишу, не отрывая взгляд от того, что происходило за окном.

– Уже, – ответил папа, проскользнув через заднюю дверь в тот самый момент, когда голоса приближавшихся солдат зазвучали громче.

С заднего двора было слышно, как отец отсчитывает шаги на идише:

– Eyn, tsvey, dray, fir, finef, zeks[1]…

Он остановился на мягком участке и принялся копать, пока руки не почернели от земли. Случайный прохожий мог бы принять его за человека, который сажает цветочные луковицы и с нетерпением ждет, когда же они взойдут и распустятся. Думаю, в каком-то смысле отец

[1] С *ид.* – Один, два, три, четыре, пять, шесть… (*здесь и далее прим. переводчика*)

и действительно сажал семена. Семена надежды нашей семьи. Через несколько мгновений он разрыл заранее подготовленный тайник – яму, укрепленную по стенкам согнутым в цилиндр листом металлолома. Импровизированный сейф, куда он опустил мешок со всеми нашими ценностями, среди которых был и маленький, на первый взгляд ничем не примечательный серебряный бокал для кидуша, который наполняется вином только в Шаббат. Его в еврейских домах отмечают молитвами, песнями и вином каждую неделю с заката пятницы до заката субботы. Шаббат – это время отдыха, самый спокойный день недели. А в знак благодарности поднимают чашу кидуша.

Но с тех пор, как в Жарки вошли нацисты, поводов для песен было немного, особенно у евреев. За какие-то недели жизнь перевернулась. Евреям запрещалось ездить на автобусах, а их детям – ходить в школу. Нацисты закрыли или же попросту отобрали часть принадлежавших евреям предприятий. Был объявлен строгий комендантский час: всех, кого ловили на улицах после восьми вечера, ждал арест или расстрел. Евреям приходилось носить на рукаве белую повязку с синей шестиугольной звездой Давида, чтобы все видели и знали, кто перед ними.

Когда нацисты забарабанили в дверь, у мамишу вырвался странный визг, словно сдавленный ужасом крик. Ей бы хотелось спокойно сказать «войдите», но было уже не до любезностей. Дверь распахнулась настежь еще до того, как она вновь обрела голос. «Пожалуйста, появись, пожалуйста, появись, пожалуйста, вернись», – мысленно умоляла она отца, когда в дом вошли двое солдат: высокий и коренастый. Словно услышав ее призыв, в дверях гостиной появился отец: рубашка заправлена в брюки, а на лице ни намека на панику, которая чуть не овладела им за несколько минут до появления немцев. Руки, еще недавно перепачканные землей, теперь были чисты и не вызывали никакого подозрения, совсем как его выражение лица. Отцу удалось довершить начатое.

– Мы пришли забрать пятьсот злотых и украшения! Немедленно! – потребовал высокий.

– Разумеется, – ответил папа и протянул им пачку денег, недорогое ожерелье с подвеской и кольцо на мизинец, которое однажды нашел в поезде. Предвидя, что солдаты потребуют отдать украшения, он оставил эти безделушки в ящике приставного стола.

– Вы что думаете, мы поверим, будто это все, что у вас есть? – ответил солдат и кивнул сослуживцу.

Коренастый быстро подошел к Самюэлю и маме, наставил на них пистолет и принялся размахивать им со словами:

– Да у вас тут полно ценностей. Попробуйте еще раз.

Мрачное выражение мелькнуло у него на лице, когда он опустился на колени перед Самюэлем, обратив внимание на левую руку братика. Правой рукой он крепко вцепился в мамину юбку, а левая, опущенная вниз, была сжата в кулак.

– А почему бы тебе не разжать ручку, малец? – спросил он тихо. – Посмотрим, что ты тут прячешь.

Мамишу испугалась того, что солдат обратил внимание на Самюэля, и заплакала. Хотя знала, что юный коллекционер не прячет ничего ценного. По правде говоря, она даже знала, что он зажал в своем пухлом кулачке.

– Это просто камешек. Он их собирает, – сказала мамишу.

Самюэль показал ему маленький серый камушек: такие в Польше можно найти на любой улице. У него в кармане почти всегда лежал какой-нибудь камень, и все они казались ему ценными и уникальными. Но солдату было не до смеха. Он не привык ошибаться, и уж точно не в присутствии евреев. Он пристально посмотрел на родителей. Затем на бабушку Дору. Если бы у кого-то из них на лице промелькнула даже тень улыбки, он застрелил бы их всех на месте. Никто не улыбнулся.

– Прошу вас, возьмите все, что может понадобиться вашему правительству, – вмешался папа.

К тому моменту первый солдат уже вовсю рылся в шкафах и ящиках, не дожидаясь приглашения. Сегодня это кажется такой мелочью, но в тот день, увидев, как солдат достал из шкафа в прихожей ее драгоценный норковый жилет и повесил себе на руку, мамишу чувствовала, как у нее сердце кровью обливается. Папа целый год откладывал деньги, чтобы сделать ей сюрприз. В нем она чувствовала себя голливудской кинозвездой, даже если всего лишь гуляла по округе.

Казалось, прошла вечность, но, когда солдаты, собрав свою добычу, уже собирались уходить, коренастый заметил на краю стола-тумбы в прихожей изысканные часы на витых медных ножках. Подарок, который бабушке Доре преподнесли на обручение ее родители, а она, в свою очередь, подарила их на свадьбу мамишу.

– А разве такое не нужно держать под стеклом? – спросил он, указывая на часы. – Вам следует быть аккуратнее с ценными вещами.

И сказав это, он пододвинул их к самому краю, не отрывая взгляд от маминого выражения лица. Оно не дрогнуло.

– Да, благодарю. Впредь я буду осторожна.

А коротышка в униформе медленно подталкивал часы к краю стола и ждал, ждал ее реакции. В ту секунду, когда стало ясно, что хрупкая вещь вот-вот упадет, мамишу испуганно ахнула. Но и этого было достаточно, чтобы бесстрастное лицо солдата расплылось в мерзкой улыбке.

– Ой! – только и воскликнул он, столкнув часы на пол. – Виноват.

Тяжелая семейная реликвия с грохотом упала на пол. Стекло циферблата разлетелось по углам прихожей мелкими осколками. Одна из витых ножек отвалилась. Часы разбились вдребезги.

– Какой же ты неуклюжий, – рассмеялся высокий, похлопав друга по плечу, и оба с притворной вежливостью закивали, глядя на мамишу.

И с этим ушли.

Когда мамишу закрыла за ними дверь, Самюэль наклонился и, уткнувшись головой в колени, завыл что есть силы. Он все плакал и плакал, и не мог остановиться.

– Самюэль, не надо, перестань, – мамишу гладила его по спине. – Все хорошо. Мне не страшно. Папе не страшно. Дяди просто хотели передать наши вещи новому правительству. Мы рады им помочь.

Мамишу изо всех сил старалась не терять надежду, но в такие вечера это было непросто. И в глубине души все евреи Жарки знали, чего им ждать. Месяцем ранее все было явлено в мельчайших деталях. Тот день вошел в историю как «Кровавый понедельник».

Глава 2
Кровавый понедельник

Война в Польше началась 1 сентября 1939 года с блицкрига (молниеносной войны), в котором немецкие войска пронеслись по стране. На следующий день, это была суббота, примерно в час дня над Жарки пролетел немецкий разведывательный самолет. Части отступавшей польской армии, укрывшиеся в нашем городке, заметили его и приняли решение, которое понесет за собой катастрофические последствия. Стоило самолету снизиться, они принялись палить по нему из винтовок. Этого было достаточно, чтобы привлечь внимание немецкого командования. К вечеру Жарки оказался в осаде. В небе кружили немецкие самолеты, сбрасывающие бомбы, которые не оставляли от домов камня на камне. В мгновения затишья между взрывами каждая семья гадала, станет ли их дом следующим.

В городе, где жила моя семья, в тот день сгорело 256 домов, принадлежавших евреям, многие из которых оказались в ловушке, потому что прятались в подвалах. Первые бомбы упали на часть города под названием Леснюв. Потом настала очередь нашего района. Второе сентября вошло в историю как день ужаса.

Наверное, может показаться странным, что папа, мамишу и вся община не побросали в чемоданы теплые вещи и не ушли в леса, в надежде добраться до безопасного места. Но дом есть дом, и до немецкого вторжения Жарки был безопасной гаванью для польских евреев. В некоторых городах страны евреи не могли владеть землей, а те, кто все же решался открыть свое дело, сталкивались с огромным количеством препятствий. А в Жарки, где больше половины жителей были евреями, все было не так плохо. Больше трехсот моих соплеменников ежедневно молились в местной синагоге, праздновали Шаббат и трудились в качестве ремесленников, торговцев и предпринимателей, к мнению которых прислушивались даже соседи-католики. Разумеется, и в Жарки бывали отвратительные случаи дискриминации. На одном из рынков в окне висела табличка: «Не покупайте у евреев! Поддерживайте своих». Но еврейские предприятия в городе всегда процветали.

Жизнь в Жарки простой назвать было нельзя, но, если бы хоть кто-то предвидел, что ждет их впереди, после 2 сентября 1939 года в городе не осталось бы ни одного еврея. Узнав о приближении нацистов, они бы уехали. Но, как бы то ни было, большинство евреев Жарки надеялись, что, когда бомбежки прекратятся, а немецкие войска одержат верх над маленькой польской армией, захватчики удовлетворятся тем, что завоевали новые территории для гитлеровской империи, и будут мирно править в Польше.

На рассвете воскресенья 3 сентября, когда стихли разрывы снарядов, мамишу, папа, Самюэль и бабушка Дора вылезли из подвала. Они не могли поверить, что дом уцелел. Оглядев гостиную, мама ощутила смесь вины и облегчения. Кое-где стекла были выбиты ударной волной от разорвавшихся неподалеку снарядов, но стены устояли.

– Барух ашем! – сказала на иврите бобеши, благодаря бога за ниспосланную удачу.

– Израиль, эти звуки, я все еще их слышу, – залилась слезами мамишу.

Папа сразу понял, о каких звуках она говорит. Его тоже преследовал тот шум, который всю ночь доносился до них в темноте: не только взрывы, но и крики людей, что оказались в огненной ловушке своих горящих домов. Никто не мог прийти им на помощь. Все забились в подвалы и молились о спасении. Город был в осаде. Днем мамишу разглядела вдали сильно пострадавшее здание еврейской библиотеки. Это была всеобщая гордость, подарок сионисткой организации. Она служила еврейской общине культурным центром и хранила в своих стенах более шести тысяч книг. Бесконечные полки были заставлены произведениями знаменитых

поэтов и еврейских авторов. Мужчины собирались там дважды в день для молитвы и обсуждения Торы, священной книги иудеев.

Мамишу сказала, что хочет проведать родителей, Эстер и Мордекая Йониш, которые жили неподалеку.

– Ни в коем случае, – повторял папа.

Они с женой редко спорили, но в тот раз он был непреклонен.

– Софи, ты понимаешь, что происходит? Бомбежки – это только начало. Идет война. Скоро здесь будут солдаты.

И отец оказался прав. Днем солдаты зашли в город со всех направлений. Они приезжали на машинах, грузовиках и мотоциклах. Одетые в черное нацисты маршировали по улицам. Позже мы узнали: то были отряды элитного подразделения нацистской армии под названием «штурмовики», целью которых было сеять страх и разрушения. Жарки был в числе первых захваченных ими городов. Уже спустя несколько часов стало ясно, что немцы не просто вторглись в Польшу, но собирались установить там свои порядки.

Солдаты выносили с фабрик станки, били витрины магазинов и стреляли по домам. При помощи динамита они подорвали текстильную фабрику на окраине города, чтобы украсть кирпичи разрушенного дымохода и поездом переправить их в Германию. Они даже вынесли из классных комнат скамейки, которые были намертво прикручены к полу. Если бы они могли сорвать с неба облака, изодрать их в клочья и разбросать по улицам, то не упустили бы эту возможность. Иудеи и католики беспомощно смотрели на то, как уничтожается их собственность. Хотя целью погромов были евреи.

Еще одна ночь прошла без сна, и в понедельник утром всем евреям-мужчинам было велено явиться в центр города, чтобы встать на трудовой учет. Сперва папа подумывал укрыться в подвале, но потом понял, что его исчезновение может грозить мамишу и остальным большой опасностью. Он заверил жену, что с ним все будет в порядке, накинул на плечи куртку и пошел вместе с остальными.

Папа просил, чтобы в его отсутствие мамишу не выходила из дома, но она его не послушала. Мама глубоко уважала мужа, но всегда поступала по-своему. Спустя несколько часов, в день второго полномасштабного военного вторжения, она оставила Самюэля с бобиши и побежала к родителям. Она вышла из серого каменного дома на улице Сосновая и нырнула в ближайший переулок, чтобы не идти по главной дороге. Кратчайший путь к заднему двору родительского дома пролегал через еврейское кладбище. Мамишу была очень суеверная и всегда старалась обходить кладбище стороной, не приближаясь к могилам.

Плач? Откуда-то донесся плач? Отчаянные звуки донеслись до слуха мамишу, и сердце у нее сжалось. Где-то плакал ребенок. Следом послышался мужской голос, он что-то прокричал, кажется, по-немецки. Мамишу спряталась за толстым стволом старой березы и прислушалась. Неподалеку раздавались голоса. Мамишу поняла, что лучше не смотреть, но взгляд не отвела. Сначала она увидела лежавшее на земле розовое бархатное платьице и брошенные рядом маленькие черные туфельки. Прищурилась, чтобы рассмотреть, что там происходит, и узнала трехлетнюю Сашу Берицман, стоявшую рядом с солдатом.

Малышку всегда приводили в синагогу на утреннюю воскресную службу. Она сидела на коленях у матери одетая словно маленькая принцесса. Всякий раз, когда прихожане читали Шему, молитву, во время которой следует закрывать глаза перед Богом, Саша весело смеялась: ей казалось, что стоявшие рядом женщины играют с ней в прятки. Иногда маме приходилось уводить ее со службы, так громко она хохотала.

Но мамишу потрясло не столько платье, лежавшее на земле, сколько то, что девочка стояла рядом голышом. Солдат снова что-то выкрикнул. Сашины родители тоже были там. Видимо, солдат и им приказал раздеться, потому что они начали снимать с себя одежду, а он

продолжал кричать что-то по-немецки. Мама Саши попыталась прикрыться руками и слегка отвернуться. На этот раз солдат завопил на ломаном польском, и мама разобрала, чего он хочет.

– Zakończeniu pracy! Заканчивайте работу!

Солдат в униформе практически швырнул лопату в абсолютно голого Берицмана, но тот сумел ее поймать. В правой руке солдат держал пистолет и целился Берицману в голову. Обезумевший от ужаса отец продолжил раскапывать и без того глубокую яму. Должно быть, они уже давно были на кладбище. Мамишу напрягла зрение, чтобы получше разглядеть Сашу. Лицо ребенка опухло и покраснело от рыданий. Жена Берицмана взяла ее на руки и, пытаясь успокоить дочь, прижала к себе.

Мамишу хотелось с криком броситься к ним, выхватить у солдата пистолет и направить его в лицо военному. Она хотела, чтобы Берицманы забрали свою одежду и вернули себе достоинство. Но, беспомощная и безоружная, она не смела покинуть укрытие. Вскоре солдат приказал Берицману встать рядом с женой и дочерью. Взмахом руки с пистолетом он показал, что они должны встать перед свежевырытой ямой. Он точно знал, где именно:

– Встаньте справа. Не так сильно. Назад! – говорил он на своем ломаном польском.

Они делали все, что он говорил. В конце концов солдат приказал Берицману обнять семью. Мамишу осторожно выглядывала из-за березы и старалась остаться незамеченной. Берицман обнял жену, которая крепко прижимала к себе их дочь. Мать Саши плакала, девочка кричала, ее отец громко читал молитву, а обнаженная тела казались еще более беззащитными.

– Тихо! – завопил солдат, а затем почти шепотом добавил, – ти-и-ише, ти-и-ише.

Они тесно прижались друг к другу и опустили головы. Их лиц мамишу не видела. Они не проронили ни звука. Даже Саша. Она последовала примеру родителей и перестала плакать.

БУХ! БУХ! БУХ! Все три выстрела попали в цель. Обнаженные, они переплелись в вечных объятиях и рухнули в большую общую могилу, которую вырыл Берицман. Солдат стоял со странным выражением удовольствия на лице. Оно исполнилось безумной радостью. Как бы мамишу ни хотелось стереть это воспоминание, она никогда не забудет выражение его лица. Казалось, смерть приносила ему наслаждение, будто для него она была особым видом искусства. Когда же он наконец-то присыпал яму землей и скрылся, мама на дрожащих ногах побежала обратно на Сосновую. Она ворвалась в дом через входную дверь и с плачем рухнула на диван. Бобеши и Самюэль спали в своих комнатах, и еще долго она оставалась наедине с тем злом, свидетелем которому ей суждено было стать в тот день.

Около шести часов вечера, когда мамишу запаниковала из-за того, что папа все еще не вернулся с рабочего сбора, который объявили немецкие солдаты, раздался громкий стук в дверь. Прежде чем она решила, открывать или прятаться, дверь распахнулась, и в гостиную ворвалась ее подруга Малка. Она словно обезумела.

– Не знаю, откуда у солдат эти списки, но они каким-то образом узнали про нашего сына-подростка. Утром они заявляются, размахивают своими пистолетами и требуют, чтобы Ави явился на сборы. Я им говорю: «Ему же четырнадцать». А им плевать. Ави и Дана нет уже несколько часов. Софи, я волнуюсь.

Малка сделала глубокий вдох и продолжила. Она ждала весь день, но муж с сыном как сквозь землю провалились. Женщина отправилась на городскую площадь, но их там не было. Тогда-то ей и открылась самая чудовищная сцена, которую она когда-либо видела. Мамишу приготовилась к худшему.

– Израиль? – шепотом спросила она, прикрыв руками рот. – Мой Израиль?

– Нет, – поспешно ответила Малка. – Нет, я его не видела. Его там не было.

И тут же вернулась к живому описанию ужасной казни.

– Перед площадью собралось много гоев, и я смешалась с толпой. Никто меня не замечал. Я протиснулась вперед, а там … – Малка с трудом подбирала слова. – А там Кляйнов, Адлеров и Гольдов заставили играть в какую-то игру, наверное, они это так называют. Все три семьи

вместе с детьми поставили в ряд лицом к кирпичной стене, той самой, что осталась от сгоревшей обувной мастерской Менделя. Сколько их было? Двенадцать, тринадцать, четырнадцать человек фактически уткнули носом в стену. Их держали под прицелом два солдата, один из которых громко крикнул:

– Ну что ж, мои грязные жидовские друзья, давайте узнаем, из какого вы теста. Подняли руки вверх, и чтоб никто не вздумал дергаться. Опустите руки – считайте, что вы труп. Поняли? – Малка говорила громко, подражая солдату.

– Софи, толпа вокруг меня смеялась и аплодировала, – Малка нарочито громко захлопала в ладоши. – Дети, им всем уже исполнилось двенадцать, всем, кроме несчастной Ханны Голд, ей всего… Ей было всего шесть. Она стала умолять их разрешить ей опустить руки. «Пожалуйста, можно? Мне больно», – сказала она. Я видела, как у нее дернулась рука. Толпа все еще ликовала, и тут ее рука начала потихоньку опадать. И не успела она опустить ее, как солдаты прострелили ей затылок. Кровь брызнула фонтаном и попала на стену. Малышка Ханна упала как подкошенная.

С каждым словом заплаканное лицо Малки становилось все бледнее.

– Софи, Сара Голд поступила так, как поступила бы каждая из нас. С криком она бросилась к Ханне и принялась целовать ей лицо. И губы, и щеки Сары алели от крови дочери. Солдаты переглянулись. Я услышала, как они досчитали до трех: Eins, zwei, drei. И на счет три всадили в Сару пули.

– Эрик Голд? – перебила ее мамишу. – Папа Ханны?

– Эрик… Он не обернулся, и рук не опустил, но его трясло, я не могу описать его крик, я никогда не слышала таких воплей. Его спина сотрясалась, голова упала на грудь, но руки он не опустил. Я ушла. Бежала со всех ног. Так и не выяснила, куда забрали моих Ави и Дана!

За первый день полномасштабного наступления немцев в Жарки были убиты сто ни в чем не повинных людей. В 30 км от Жарки, в городе Ченстохова, 4 сентября 1939 года запомнится печально известным убийством тысячи евреев и войдет в историю, как «Кровавый понедельник».

Бежать из Жарки было уже поздно. Всех, кто пытался, расстреливали на месте. В тот «Кровавый понедельник» отец разбирал завалы на улицах города, как ему велели немцы, и мысленно составлял план полуночного побега из города: через поля высокой по пояс гречихи прямиком в лес. Но это было слишком рискованно. У моей семьи не осталось шансов укрыться от войны. В течение последовавших за тем двух недель жителей Жарки охватила паника. Планы побега составлялись и отвергались, потому что, учитывая количество солдат вокруг, сбежать было невозможно. Люди строили тайные убежища и маскировали входы в них.

Затем последовало объявление: «Все евреи мужского пола должны на ночь явиться в синагогу. Повторяю, евреи-мужчины в синагогу. Неподчинение карается арестом или расстрелом. Все евреи-мужчины – в синагогу. Sofort! Немедленно!». Папу это объявление застало посреди тихой молитвы. Разумеется, не в синагоге. Он молился про себя, расчищая от обломков дренажную канаву по заданию немцев.

Что, сейчас? Он отчаянно хотел вернуться домой к мамишу, Самюэлю и матери. Он хотел вымыть руки и поужинать, дать ногам отдохнуть и почувствовать себя в безопасности. Но выбора не было. Нацисты пролаяли приказы. Папе пришлось подчиниться. Война только началась, и папа пока еще не был готов проверять систему на прочность.

Глава 3
Общий сбор

Тем сентябрьским днем, переступая порог шула, главной синагоги Жарки, папа на мгновение прикрыл глаза. Шул был его вторым домом, местом для ежедневной утренней и вечерней молитвы, местом, где он постигал Тору. Но в тот вечер он закрыл глаза, потому что не хотел видеть ту душераздирающую картину. Храм был осквернен. Нацисты сорвали с алтаря реликвии. Картины были перерезаны, скамьи поломаны, а стены изрешечены отверстиями от пуль.

Следом за отцом и еще несколькими евреями в синагогу вошли немецкие солдаты и вытащили на середину зала тюки с соломой. Затем они покинули святилище, но через несколько мгновений вернулись и швырнули на пол грабли.

– Время застилать постели, еврейские свиньи, – объявил офицер. – Сегодня вы спите в сарае.

Папа нагреб в угол соломы и обустроил постель себе, мужу и сыну Малки и четырем братьям мамишу: Монику, Давиду, Сэму и Муллеку, которые пробирались к нему через толпу. Его небольшая команда, ужасно уставшая, быстро уснула, несмотря на солому и стволы ружей, которые двое немцев у входа наставили на толпу.

А дома перепуганный Самюэль, прежде чем лечь спать, забрался к матери под одеяло и спросил, когда вернется папа.

– Скоро. Уже скоро. – Солгала она.

Прошло два дня, и жены с нашей улицы решили отправиться на поиски своих мужей. На рассвете мамишу и остальные, держась за руки, направились к синагоге. Бабушка Дора осталась с Самюэлем, заверив мамишу, что с ним ничего не случится. На пути женщины встречали солдат, которые, к счастью, просто не обращали на них внимания. Когда же они пришли к синагоге, мамишу удалось заглянуть в окно. Можно лишь представить, какое она почувствовала облегчение, увидев там изможденного, но, самое главное, – живого отца. Пол был завален измятой соломой, на которой мужчины, словно стая бродячих собак, проспали две ночи.

Мамишу попыталась силой мысли заставить папу посмотреть в окно, но он погрузился в размышления, а может – в молитву. Мужчины ждали рабочего задания на день. Мамишу понимала, что чем выше поднимется солнце, тем больше солдаты будут сеять смуту по всему городку. Она помчалась домой, счастливая уже тем, что папа был жив и внешне здоров.

В то утро папу в составе большой группы людей послали на поле недалеко от города. Им выдали лопаты и велели выкопать большую яму. Затем они отправились в город, туда, где были свалены трупы погибших во время бомбежек лошадей. Не удивлюсь, если немцы так долго не хоронили лошадей, чтобы еще больше осквернить город.

– Mach schnell! Быстрее! – рявкнул на них солдат.

Разлагавшиеся трупы околевших животных воняли так мерзко, что сами немцы с трудом выдерживали этот смрад. Мужчинам из синагоги было велено поднимать туши за копыта и оттаскивать к месту захоронения на улицу Косхигливер, что на окраине города. Но не вонь душила их, а тяжкий труд. Даже десять человек еле перетаскивали гниющие 400-килограммовые туши.

Они провозились весь день. На закате, стоя в яме и забрасывая околевших лошадей землей, папа думал, отпустят ли их когда-нибудь по домам, где они смогут поесть и выспаться. Больше всего на свете ему хотелось сообщить мамишу, что с ним все в порядке. Утром он не заметил, как она украдкой заглядывала в окошко синагоги, и ему отчаянно хотелось успокоить ее.

В конце концов офицер по фамилии Шмидт выкрикнул, что им нужны пять человек. Папа поднял глаза к небу и взмолился, чтобы выбрали его. Но солдаты указали на знакомых отца, двое из которых были еще подростками. Среди них был и Ави, сын Малки. Обрадовавшись за мальчика, которому выпал шанс перевести дух, папа ощутил легкий укол зависти и тут же вернулся к работе. Но через несколько секунд он вздрогнул от грохота выстрелов. Осторожно выглянув из-за насыпи, он увидел на стене, у которой стояли те пятеро, пятна крови. Их тела лежали на земле. Рабочих выбрали не для отдыха, а для того, чтобы поставить к кирпичной стене здания на границе поля и убить.

Папа почти беззвучно прошептал молитву:

– Шма Исраэль Адонай Элоэйну Адонай эхад. Слушай, Израиль: Господь – Бог наш, Господь один!

Он знал, что не расскажет Малке и Дану о том, как все случилось. От него они услышат только: «Ави ушел к Богу». В каком преступлении был повинен этот мальчик? Работал медленно? Папа вернулся к заданию и, пока офицер Шмидт не прокричал: «Евреи, домой, бегом!», он не смел поднять головы. Папа прекрасно знал, что предписанный евреям комендантский час вот-вот наступит. Он с облегчением услышал, как один из рабочих спросил у Шмидта то, о чем он и сам все время думал:

– Господин офицер, а разве через несколько минут не начнется комендантский час? Если нас застанут на улице после восьми, то могут арестовать или даже застрелить.

Шмидт улыбнулся, как будто получил желанный подарок.

– Ну, значит, вам стоит поторопиться! – рявкнул он. – Мой еврейский друг прав. Любой, кого поймают на улице через пять минут, рискует получить пулю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.